

Клод МИЛЛЕР, французский кинорежиссер:

Сейчас молодежь не менее радикальна, чем в эпоху Чехова

известия 2003-го года с 14
Завтра в наш прокат выходит «Малышка Лили» одного из ведущих французских режиссеров — Клода Миллера (у нас знают его «Акомпаниаторшу» с Еленой Сафоновой). Мировому киносообществу фильм впервые представили в Канне, а московской публике — на только что завершившемся фестивале «Французское кино сегодня». «Малышка Лили» — переделка чеховской «Чайки», действие которой перенесено в современную Францию. Большинство персонажей стали кинематографистами. Молодой писатель-радикал Треплев — режиссером-ниспровергателем Жюльеном (его изобразил Робенсон Стевенен). Традиционалист Тригорин — представителем кино-истеблишмента Брисом (на роль избран маститый Бернар Жиродо). Юную актрису Нину Заречную, превратившуюся в Лили, сыграла новомодная Людивин Санье. После московской премьеры с Клодом МИЛЛЕРОМ побеседовала корреспондент «Известий» Татьяна РАССКАЗОВА.

— «Чайку» у нас часто трактуют как драму новатора, погубленного консервативной художественной средой. Но в вашем фильме никто не гибнет, а отдельные герои даже вступают в законный брак. Быть может, вы хотели сказать, что у нынешней киномолодежи нет серьезных творческих идей? А степень ее радикальности диктуется лишь личной неприязнью к старшим конкурентам?

— Мне кажется, современная молодежь (по крайней мере во Франции) не менее радикальна, чем в эпоху Чехова. К тому же заметьте: нельзя определенно сказать, какой фильм — традиционный или революционный — снимает в «Малышке Лили» Жюльен, наш «Треплев». Возможно, у него получится шедевр.

— Но обжегшись по молодости на киноэксперименте (в соответствии с Чеховым, разнесенным в пух и прах его собственной матерью-актрисой), Жюльен для верности приглашает в свой первый крупный проект состоявшихся звезд. То есть делает то, что поначалу вменял в вину «пожирателю звезд» Брису-«Тригорину». Может быть, ваша картина о конформизме?

— Приглашать в свой фильм знаменитых актеров еще не означает быть конформистом. В фильмах Трюффо и Годара звезды стали появляться очень скоро. Но никто не обвинял того же Годара в конформизме только за то, что он занял в «Презрении» Брижит Бардо.

— Однако чеховский Треплев приходит к самоубийству, тогда как ваш Жюльен выживает.

— Но... написав реплику «Константин Гаврилович застрелился», сам Чехов смог остаться в живых — подобно Жюльену, снимающему кино о своей юношеской драме. У художников есть привилегия: возможность вложить свои личные страдания в творчество. В некоторых случаях это единственный способ выжить.

— У вас есть «фильм в фильме» — тот самый, который Жюльен снимает во второй части вашей истории. Он называется «Исчезновение». Кто или что исчезает? Любовь и обида Жюльена? Или предательница Лили, которая в последний съемочный день выходит из кадра, и тогда нарисованное на заднике море вдруг оживает?

— Я всего лишь имел в виду исчезновение молодости. Лили — это огромная любовь Жюльена, его воплощенная юность, причина его тоски об ушедшем времени. Но Лили встречается с давним возлюбленным спустя пять лет после того, как его покинула, уехав с Брисом. Теперь и она уже иная, и Жюльен изменился. Вообще, меня всегда завораживают метаморфозы, которые претерпевает человек под воздействием времени. Картина ожившего в кадре бутылочного моря — это метафора воскресших воспоминаний Жюлье-

на, которые нужны ему, чтобы сделать свой фильм. Все художники реанимируют воспоминания — это часть нашей профессии.

— Героиня Жюли Депардьё (у Чехова это была безнадежно влюбленная в Треплева Маша) у вас более чем благополучна: выходит замуж за любимого и даже пишет сценарий к его первому большому фильму. Существует расхожее мнение, будто настоящее творчество невозможно в ситуации душевного комфорта и семейной идиллии. Вы думаете иначе?

— Судите сами: моя жена работает вместе со мной — тоже пишет сценарии.

— Один из ваших персонажей говорит: «Мы не уважаем свою публику, но хотим ей нравиться. Это называется «выйти в тираж». Какова ваша позиция? Уважать публику, но не стараться понравиться ей?

— Думаю, истина — посередине. Если вы ставите целью нравиться публике, то становитесь проституткой. Если ударяетесь в другую крайность, желая выражать в творчестве лишь собственную индивидуальность, то рискуете утратить контакт со зрителями. Приходится балансировать: выражать себя так, чтобы тебя поняли.

— В вашем фильме очень по-чеховски сыграл Бернар Жиродо. Почти не имея текста во второй части картины, его Брис-«Тригорин» умудряется выглядеть навеки ра-

ненным прелестной хищницей Лили-«Заречной». В жизни Жиродо так же раним или, напротив, жизнерадостен и уравновешен?

— Жиродо производит впечатление respectableного самодостаточного человека. Но внутри него, безусловно, таятся неуверенность и уязвимость. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Один из героев фильма признается, что предпочитает старых звезд — Габена, Вентуру... Другой же усмехается: «Вы любите мертвецов». Кого из великих «мертвецов» недостает сегодня лично вам как режиссеру?

— Вы знаете, я как раз из тех, кто не склонен культивировать прошлое, я люблю живых. Безусловно, кинематограф прежних лет был очень достойным, но мне смешно слышать банальности вроде той, что «кино моей молодости было лучше нынешнего».

— Признайтесь, вы мягко-сердечный режиссер или диктатор? Какие санкции применяете к артистам в экстраординарных ситуациях?

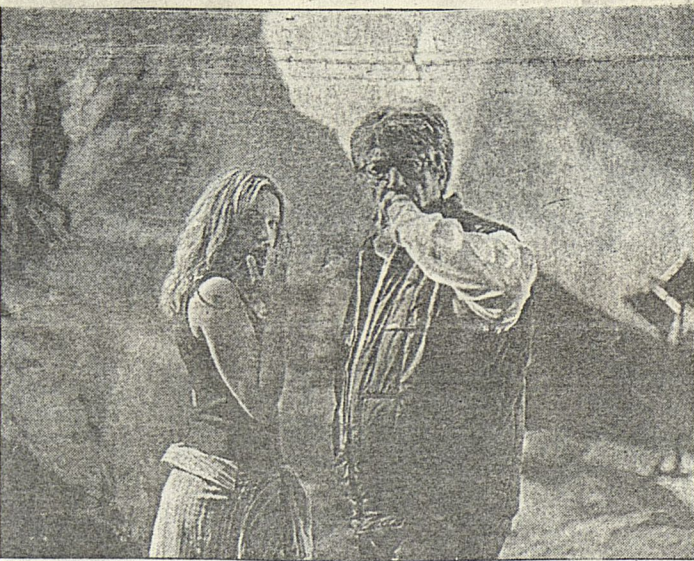
— Спросите об этом у приехавшего сейчас в Москву Робенсона Стевенена — «Треплева». Надеюсь, что я все-таки не слишком кровожадный: я ведь хочу, чтобы у артиста сохранялось желание и завтра прийти ко мне на площадку.

— Возвращаясь к конфликту «Треплев — Тригорин»: что вы ожидали от своей профессии в 20 лет и чего ждете сегодня?

— В 20 мне казалось, что если я не буду снимать кино, то умру. Мне было это необходимо, как кислород. Сегодня, уже достаточно надыхавшись, я пытаюсь понять, почему потребность снимать не пропадает. Но у меня нет ответа.

— Тогда, возможно, ответите: каким будет ваш следующий проект?

— Пишу сценарий политической комедии. Главным героем станет президент Французской республики. Нет-нет, не Ширак, конечно, а некий воображаемый персонаж. Но действие развернется в наши дни.

Клод Миллер и Людивин Санье — «Нина Заречная» — на съемках «Малышки Лили»

Послесловие к разговору

Проще всего попенять режиссеру «Малышки Лили» за тотальное прекрасноту: он оставил в живых и простил абсолютно всех своих героев. Даже превратив импульсивную, мечтающую о славе Заречную в вероломную карьеристку Лили, Миллер наказал ее не слишком сурово и позволил ей сняться в первой большой картине «Треплева»-Жюльена. Но в фильме, при желании, все же можно расслышать чеховскую ноту. Казалось бы, все персонажи если не счастливы, то благополучны, Жюльен неразлучен с преданной женой, Лили тешит самолюбие успешной карьерой, прочие упиваются своими чудачествами — лишь Брис остается с амбициозной стареющей Мадо-«Аркадиной», с неизменным голфом в обществе министра и... с неизбывной тоской в глазах. Возможно — с сознанием, что надо жить. Уметь нести свой крест и верить. Справляться с собственным разбитым сердцем. И не изумляться тому, что у некоторых оно небытие.